

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.774-787>

EDN: MJGYIK

Вклад Н.И. Воробьева в районирование этнографических групп чувашей (по данным этнографии)

Г.Б. Матвеев*Чувашский государственный институт гуманитарных наук**Чебоксары, Российская Федерация**matweev.georgij@yandex.ru*

Резюме. Н.И. Воробьев внес большой вклад в сравнительное изучение истории расселения и традиционной культуры этнографических групп чувашей, их межэтнического взаимодействия с контактируемыми этносами. Основой для выделения им трех этнографических комплексов послужили особенности, как обладавшие архаическим признаком, так и вновь образованные. Касаясь истории формирования этнографических групп, исследователь утверждал, что население северо-востока Чувашского Поволжья восприняло в своем быту больше южных тюркских влияний. Оно стало отличаться по языку и быту от северо-западного населения, хотя и сохранило с ним общность в главных элементах языка, культуры и быта. Нельзя считать обоснованным вывод Н.И. Воробьев о том, что основные этнографические группы чувашей, какими он считал верховых *вирьял* и низовых *анатри*, окончательно формируются в течение XV в. в северных районах Чувашии в результате сближения коренного населения этих районов с пришельцами с юга. Работа этнографических экспедиций по районам Чувашии в конце 1940-х – начале 1950-х гг. показала, что архаический комплекс был наиболее характерен для костюма средненизовых чувашей *анат енчи*, которых Н.И. Воробьев считал средней или смешанной этнографической группой. В целом эту группу он представлял как часть *анатри*, которые изменили свой быт под влиянием заимствований у татар. Авторским коллективом под руководством ученого была подробно разработана классификация чувашей по группам и подгруппам на основе народного костюма. Н.И. Воробьев впервые выделил три подгруппы в составе *анатри*. Пограничная зона между *анатри* и *анат енчи*, которая нешла четкого определения у предшественников, в частности Г.И. Комиссарова, Н.И. Воробьевым также не была обозначена. Костюм верховых сформировался в результате взаимодействия с горными марийцами, хотя и в нем не были вытеснены многие признаки, объединяющие его прежде всего с костюмом *анат енчи*. Исследователи подчеркивают, что разительные внешние отличия, которые фиксировались у верховой чувашки северо-западной подгруппы и низовой чувашки *хирти*, не нарушали единой культурной общности чувашского народа. Следует отметить актуальность нерешенной экспедициями конца 1940-х – начала 1950-х гг. задачи более детального обоснования культурно-языковых ареалов на уровне подгрупп в составе этнографических групп чувашей, подразделяющихся на четыре подгруппы в верховой зоне и по три в средненизовой и низовой.

Ключевые слова: этнографические группы и подгруппы чувашей, татары, марийцы, народный костюм.

Для цитирования: Матвеев Г.Б. Вклад Н.И. Воробьева в районирование этнографических групп чувашей (по данным этнографии). *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 774–787. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.774-787> EDN: MJGYIK

N.I. Vorobyev's contribution to the zoning of ethnographic groups of the Chuvash (according to ethnography)

G.B. Matveev

Chuvash State Institute of Humanities

Cheboksary, Russian Federation

matveev.georgij@yandex.ru

Abstract. N.I. Vorobyev made a great contribution to the comparative study of the history of settlement and traditional culture of the ethnographic groups of the Chuvash, their interethnic interaction with the contacted ethnoses. He identified three ethnographic complexes based on the features, both those that had archaic signs and newly formed ones. Regarding the history of the formation of ethnographic groups, the researcher argued that the population of the north-east of the Chuvash Volga region perceived more southern Turkic influences in their everyday life, began to differ in language and way of life from the north-western population, although they retained commonality with it in the main elements of language, culture and lifestyle. His conclusion that the main ethnographic groups of the Chuvash, as he considered the upper Viryal and lower *Anatri*, were finally formed during the 15th century in the northern regions of Chuvashia as a result of the rapprochement of the indigenous population of these areas with newcomers from the south, cannot be considered justified. The work of ethnographic expeditions in the Chuvash regions in the late 1940s and early 1950s, she showed that the archaic complex was most characteristic of the costume of the middle-aged Chuvash *Anat enchi*, although N.I. Vorobyev considered them an average or mixed ethnographic group. In general, he represented that group as part of the *Anatri*, who changed their way of life under the influence of borrowing from the Tatars. The author's team, under the guidance of the scholar, developed in detail the classification of the Chuvash into groups and subgroups based on folk costume. N.I. Vorobyev for the first time identified three subgroups as part of *anatri*. The border zone between *Anatri* and *anat yenchi*, which was not clearly defined by its predecessors, in particular G.I. Komissarov, N.I. Vorobyev, was also not resolved. The riding costume was formed as a result of interaction with the mountain Mari people, although many features that unite it primarily with the *anat Enchi* costume were not replaced in it. The authors emphasise that the striking external differences that were recorded in the riding Chuvash northwestern subgroups and grassroots chuvashki *hirti*. They did not violate the common cultural community of the Chuvash people. It should be noted that the task of a more detailed substantiation of cultural and linguistic areas at the level of subgroups within the ethnographic groups of the Chuvash, divided into four subgroups in the upper zone and three in the middle and lower ones, unresolved by the expeditions of the late 1940s – early 1950s, remains relevant.

Keywords: ethnographic groups and subgroups of the Chuvash, Tatars, Mari, folk costume.

For citation: Matveev G.B. (2024) N.I. Vorobyev's contribution to the zoning of ethnographic groups of the Chuvash (according to ethnography). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 774–787. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.774-787> (In Russ.)

Экспедиции 1949–1953 гг., проводившиеся Чувашским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории, Чувашским краеведческим музеем и Казанским филиалом Академии наук СССР, были призваны оживить изучение материальной и духовной культуры чувашей по всем этно-

графическим группам и подгруппам. Вопрос о разделении чувашей на группы и сравнительно-историческом изучении отдельных подразделений этого народа поднял Н.И. Ашмарин. Из этнографов проблему впервые серьезно поставил и в целом удачно осветил Г.И. Комиссаров, которым были сформулированы основные принципы районирования специфических черт языка и культуры чувашей в Чувашском Поволжье. Работая над составлением этнографической карты Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов Казанской губернии, ученый внимательно изучал особенности костюма, диалектов верховых чувашей, менее глубоко – «центральную» и «восточную» группу (средненизовые), лишь в общих чертах – низовую зону (Комиссаров, 1911). «Низовых чувашей Г.И. Комиссаров, как и большинство дореволюционных этнографов, изучил менее подробно и не разделил их на подгруппы», – подчеркивал Н.И. Воробьев (Воробьев и др., 1956: 76). По мнению исследователя, самое подробное описание чувашских одеяний сделано Г.И. Комиссаровым и Н.В. Никольским, хотя по работам последнего трудно получить полное представление об одежде отдельных групп. Краткая, но в то же время четкая характеристика женского костюма дана в научном отчете Н.И. Гаген-Торн (Воробьев и др., 1956: 17–19).

Таким образом, более детальное изучение культурно-языковых ареалов на уровне подгрупп в составе трех этнографических групп чувашей (в структуре чувашского этноса таксон «субэтнос» отсутствует) представлялось неотложной задачей. Отрядами указанной экспедиции под руководством профессора Н.И. Воробьева было проведено обследование всех основных этнографических групп чувашей и их подгрупп. Различия между подгруппами послужили основой этнографического районирования. Было выявлено, что определенные отличия одежды внутри основных групп в большинстве случаев совпадают с распространением отдельных диалектных особенностей и говоров (Воробьев и др., 1956: 251). Действительно, картосхемы этнографических групп и диалектов, выполненные этнографами и лингвистами, по признанию специалистов, совпадают в значительной степени. Н.И. Воробьев полагал, что еще в недавнем прошлом целый ряд языковых (диалектальных) и бытовых отличий представлял собой наследие древнейших времен (Воробьев и др., 1956: 76).

Вслед за Н.И. Ашмариным Н.И. Воробьев указывает на большую близость отношений северо-западной подгруппы верховых чувашей и горных марийцев, вплоть до перекрестных браков, бытовавших в изучаемый период (середина XX в.). Предположение ученых о тесном контакте с марийцами развивал чувашский лингвист М.Р. Федотов (Федотов, 1990: 43). Эволюция чувашского языка на этапе становления этнографических групп лингвистами связывается, прежде всего, с северной половиной современной Чувашии.

Н.И. Воробьев уточнил границы расселения низовых чувашей до присоединения к Русскому государству и отметил, что *анатри* занимали северо-восточную часть современной Чувашии «и, возможно, северо-западную часть Правобережья Татарстана до реки Свияги – на восток и реки Кубни – на юг».

Он опирался на материалы исторических преданий: «Здесь среди современного татарского населения сохранялись предания, что их предки селились среди чуваш, а последние частью отатарились, а частично же ушли в другие места» (Воробьев и др., 1956: 36). Предания свидетельствуют о том, что на Свияге чувашаи являлись старожилами.

В этнокультурных признаках юго-восточных *анатри* Н.И. Воробьев видел в основном тюркские формы, которые он называет характерными «местными формами», то есть генетическими. В южном населении он признавал «в основном болгарский быт». «Незначительные примеси» у низовых «северных бытовых форм» связывал с этнокультурными признаками верховых чувашей (Воробьев и др., 1956: 36). Такое соотношение признаков историком В.Д. Дмитриевым объясняется тем, что в период освоения «дикого поля» на юго-восток переселялись средненизовые чувашаи *мал енчи* (восточные), с верховой зоны *кай енчи* (западные) переселенцев на дикое поле было незначительно. В формировании подлесной подгруппы низовых чувашей участвовали обе группы – и средненизовые и верховые (Дмитриев, 2004: 97).

Этнографическая группа средненизовых *анат енчи* неоднозначно трактуется чувашскими лингвистами и этнографами. Многие языковеды характеризуют ее как среднюю или переходную группу (СД–диалект) между верховыми и низовыми. В частности, названия подгрупп средней (средненизовой) группы Т.М. Матвеев не определил четко из соображения того, что она не более чем переходная (Матвеев, 1960: 53–54). Эту слабую сторону в классификации этнографических групп исправил Н.И. Воробьев, заметивший, что большинство лингвистов и этнографов эту группу не выделяет (Воробьев и др., 1956: 36). Между тем, еще Н.И. Ашмарин подчеркивал, что средненизовые ранее назывались *анатри*. На первых порах он полагал, что эта группа составляет как бы переходную зону от *вирьял* к *хирти* (степная или юго-восточная подгруппа низовых) (Ашмарин, 1960: 65).

Н.И. Воробьевым была отмечена заслуга этнографа Г.И. Комиссарова, который впервые достаточно точно локализовал группу *анат енчи* и подчеркивал, что по языку она (точнее, ее северо-западная подгруппа) ближе к верховым, а по быту, особенно по женской одежде, к низовым, но все же отличается и от тех, и от других. Ее представители отличают себя от обеих основных групп и называют себя *анат енчи*. Н.И. Воробьев справедливо полагал, что эта группа сохранила большое количество древних бытовых черт низовых чувашей. Например, здесь бытовали такие особенности одежды, о которых у *анатри* имеются только воспоминания. Последние изменили свой быт, много позаимствовав у татар, с которыми живут рядом в течение длительного времени и влиянию которых они подвергались (Воробьев и др., 1956: 37).

Предложенный Н.И. Воробьевым вариант выделения трех подгрупп в структуре средненизовых имеет определенные основания. Это хорошо видно при сопоставлении с картой диалектологов. Северо-западную часть этой группы специалисты относят к верховому диалекту, в связи с чем сочетание окаю-

щего говора и тех этнографических признаков, которые сближают ее с другими подгруппами *анат енчи*, могут быть основанием для выделения отдельной нижнецивильской подгруппы. Она охватывает зону нижнего течения Большого Цивилия и его левых притоков Унга и Рыкша, на западе граничит с выловолжской или средней группой верховых по линии Кугеси-Синьялы, на юго-востоке ее территория ограничена лесополосой. Следует отметить, что во второй половине XVI–XVII вв. с территории бывших Рунгинской, Сундырской, Кошкинской, Кувшинской, Шерданской (центр – д. Яндашево) волостей Чебоксарского уезда (зона *анат енчи*), на запад и на юг направлялись потоки мигрантов. Распределение материнских селений по этнографическим группам в первой четверти XVIII в. представляется таким: средненизовая зона – не менее 300 пунктов, верховая – около 100, низовая – более 100 деревень¹.

Н.И. Воробьев одним из первых касался вопроса заселения южной части Чувашии и образования новых селений. Он опирался на материалы опубликованных источников, а также топонимики и исторические предания. С середины XVI в., после возведения укрепленных линий, чувашаи с северных районов переселяются на юг. Вновь образованные селения назывались по-новому, нередко сохранив названия материнских деревень. Население новых территорий оформлялось как низовое, с некоторыми отличиями от *анатри* северных районов, образующих отдельную подгруппу (Воробьев и др., 1956: 41). Следует отметить, что Н.И. Воробьев не учитывал переселение чувашей из Казанского уезда, которыми были основаны многие чувашские селения Тетюшского уезда Казанской губернии, Буинского и Симбирского уездов Симбирской. Историком В.Д. Дмитриевым одновременно с томом «Чуваши» (1956 г.) была издана работа, посвященная образованию в XVI–XVIII вв. новых поселений в южной части Чувашии (Дмитриев, 1956: 173–218).

Н.И. Воробьев обратил внимание на особенности межэтнических контактов при формировании двух новых подгрупп низовых чувашей – степной *хирти* (юго-восточная часть) и подлесной (вдоль сурских лесов), последнее название было предложено им. *Хирти* имели более тесное соприкосновение с казанскими татарами, которые «переселялись на юг из района Свияжска, и восприняли у них некоторые бытовые черты. А подлесные, соприкасавшиеся с мордвой и татарами-мишарями, в свою очередь, переняли некоторые мордовские и татаро-мишарские бытовые элементы» (Воробьев и др., 1956: 41). Такие выводы Н.И. Воробьева были объективные, хотя и требуют уточнения. В частности, особенность говоров степной подгруппы (локализуется в пределах Чувашии, Предволжья Татарстана и северной части Ульяновской области) языковедами объясняется чересполосным характером расселения четырех этносов: чувашей, татар (носители казанско-татарского и мишарского диалектов), мордвы (представлены и мокшанский, и эрзянский диалекты), русских. В контактных зонах При-

---

¹ Подсчитано нами по: (Дмитриев, 2006: 4–34, 41–43).

связья исследователями были выявлены следы их взаимовлияния (Сергеев, 2007: 291–292; Долгова, 2015: 87–111; Егоров, 2017: 400).

В томе «Чуваши» размещена карта расселения народов на территории Чувашии с районированием этнографических групп и подгрупп (Воробьев и др., 1956: 75). Карта очень мелкого формата (менее половины страницы), однако она снабжена градусной сеткой. В основу картосхемы положена «Этнографическая карта» Г.И. Комиссарова и объяснительная записка к ней (Комиссаров, 1911; Комиссаров, 1912: 448–455). Не вызывают особых возражений границы зоны расселения верховых чувашей, показанных на картосхеме Н.И. Воробьева (Воробьев и др., 1956: 75). В целом карта совпадает с районированием Т.М. Матвеева и П.И. Орлова (корреспондента Н.И. Ашмарина) (Ашмарин, 1929: 224–225).

В составе верховых чувашей Н.И. Воробьевым были выделены четыре подгруппы: 1) северо-западная (сундырская), 2) красночетайская (курмышская), 3) средняя, 4) юго-восточная. Исследователь опирался на картосхему Т.М. Матвеева, выделившего из средней подгруппы курмышскую (Матвеев, 1930: 110–111). В этнической специфике курмышской подгруппы Н.И. Воробьев отмечал черты, образовавшиеся в результате контактов с русскими. Северо-западная подгруппа *вирьял* отделилась от средней подгруппы благодаря более тесному культурному сближению с горными марийцами (Воробьев и др., 1956: 74–76). Языковеды О.А. Мудрак и А.В. Савельев выдвигают версию о первичном делении прачувашского языка на северо-западный диалект и общечувашский (Мудрак, 1993: 95; Савельев, 2018: 101–102). Соответственно культурно-языковой комплекс северо-западной подгруппы имеет специфические, в т.ч. прачувашские, особенности. Чувашские языковеды подчеркивают, что в формировании этой подгруппы более значителен горномарийский субстрат, чем у средней подгруппы. На рубеже XIX – нач. XX вв., когда Н.И. Ашмарин изучал говор сундырской подгруппы, продолжалось активное взаимодействие и взаимовлияние чувашей и марийцев (Ашмарин, 1898: 73–74). Красночетайская (курмышская) подгруппа была образована выходцами из сундырской (северо-западной) подгруппы *вирьял*, вместе с тем в нее вошли мигранты из зоны расселения *анат енчи* (территория Чебоксарского и Свияжского уездов) (НА ЧГИГН. Отд. 3. Ед. хр. 191. Л. 1422–1432). Н.И. Воробьев не определил особенность юго-восточной подгруппы *вирьял*. Как отмечает Е.А. Ягафова, первичные признаки традиции лучше сохранились в южной части верховой зоны (Ягафова, 2007: 355). Эти четыре подгруппы верховых указаны в томе «Чуваши» (2017 г.).

При обозначении подгрупп средненизовых чувашей Н.И. Воробьев в целом присоединился к мнению Г.И. Комиссарова, который картографировал в составе *анат енчи* две подгруппы: северо-западную и юго-западную. Ученый считал, что расположенные южнее низовые чувашаи расселены на значительной территории и занимают часть северо-востока и весь юг республики. Северо-западную границу низовых, отделяющую их от *анат енчи* и *вирьял*, он проводит от устья Большого Аниша в сторону п. Вурнары. Н.И. Воробьев не без ос-

нования отмечал, что в группе *анат енчи* по ряду признаков можно выделить *козловскую* подгруппу в границах Козловского района (Воробьев и др., 1956: 74).

На картосхеме Н.И. Воробьева в отличие от Г.И. Комиссарова граница между *анат енчи* и *анатри* проведена южнее: по линии Вурнары – Чурачики Цивильского – Андреево-Базары и Тюрлема Козловского районов (ныне муниципальных округов). Бассейны рек Малого Цивилия и Ари им были включены в низовую зону. Н.И. Воробьев не принял во внимание данные П.И. Орлова, который границу между *анат енчи* и *анатри* прослеживал по железнодорожной линии Ибреси-Тюрлема, примерно совпадающей с бывшей лесополосой, разделявшей «дикое поле» от бассейна реки Цивилия (Ашмарин, 1928: 224–225; Родионов, 217: 180).

Н.И. Воробьев констатировал, что границы не только между подгруппами чувашей, но и группами чувашей представляются условными, резких переходов между ними практически не имеется, да и само население, отличая себя от других групп, обычно не в состоянии достаточно точно обозначить границы групп и подгрупп. Как показали этнографические экспедиции 1950-х гг., отличия между группами по диалектным особенностям языка, по признакам традиционной одежды постепенно стирались (Воробьев и др., 1956: 73).

Следует отметить, что у этнографов, языковедов и музыковедов имеются расхождения в районировании границы между *анат енчи* и *анатри*. В частности, Н.И. Гаген-Торн при картографировании костюмных комплексов чувашей границу между *анат енчи* и *анатри* указывала южнее – по реке Кубня (Гаген-Торн, 1960: 30–33). Группу низовых говоров Т.М. Матвеев также определял территорией к югу от этой реки (Матвеев, 1960: 59). Е.А. Ягафова переходную зону между ареалами данных групп разграничивает междуречьем Уты/Ари и Кубни (Ягафова, 2017: 89), музыковеды ее фиксируют в бассейне реки Ута, что близко к варианту разграничения по лесополосе (Кондратьев, 1982: 112–125).

Экспедициями 1950-х годов было выявлено, что специфические черты подгрупп низовых (северная, степная, подлесная) по этнографическим особенностям, в отличие от языковых, выступают весьма ясно. Южная граница северной подгруппы была определена бассейном реки Урюм. Подгруппа *хирти* (степные) на картосхеме Н.И. Воробьева была обозначена к востоку от линии Тобурданово (ныне Канашского МО) – Шемурша до южной границы республики (Воробьев и др., 1956: 76). Однако авторами тома «Чуваши» были оставлены без внимания *анатри* южной периферии низовой зоны. Не были районированы чуваша, проживающие в Буинском, Тетюшском и Дрожжановском районах ТАССР и Цильнинском районе Ульяновской области.

Этнокультура подгрупп низовых чувашей, как показывают полевые исследования второй половины XX – нач. XXI вв., является результатом взаимодействия и трансформации культурных комплексов средненизовых (в большей степени) и верховых чувашей (в меньшей степени). Этнокультурные комплексы подгрупп *анатри* сложились в первую очередь на основе традиций *анат енчи*

аниш-кубнинского междуречья (юго-восточной и козловской подгрупп) (Ягафова, 2007: 166).

Картографирование этнографических материалов, как отмечено выше, наиболее успешно проводилось по чувашскому костюму. Н.И. Воробьев предполагал существование изначального единства структуры прежде всего костюмов *анат енчи* и *анатри*. Архаический комплекс, как он считал, можно связывать с болгарскими предками и он наиболее характерен для костюма *анат енчи*. В костюме *анатри*, в котором сохранялись архаические признаки, было сильным татарское влияние (Воробьев и др., 1956: 341–342).

Исследователи единодушны в том, что костюм верховых чувашей сформировался в результате взаимодействия с горными марийцами, хотя и в нем сохранились многие признаки, объединяющие его прежде всего с костюмом *анат енчи*. В целом общечувашский комплекс в тех или иных вариациях четко просматривался в традиционном костюме во всех этнографических группах. В томе «Чуваши» картографируются как отдельные элементы одежды и украшений, так и территориальные костюмные комплексы (Воробьев и др., 1956: 335–342). Однако, как отмечает Е.А. Ягафова, проблема типологии чувашского традиционного костюма авторами не была до конца разрешена, то есть характеристика комплексов костюма всех групп и подгрупп требовала уточнений (Ягафова 2007: 48–49).

Сурпан – один из показательных головных уборов этнографических групп, различавшиеся по размерам, ориентации, способам ношения. В основном сходными были сурпаны *анат енчи* и *анатри*, другими были внешний вид и характер ношения данного убора у верховых чувашек, которые голову сурпаном не закрывали. *Сурпан* подчеркивал различия между подгруппами. Сурпаны *анат енчи* и *анатри* представляли второй тип (первый тип – сурпаны *вирьял*). Они соответствуют татарским тастарам первого типа. Способ ношения сурпана – средненизово-низовой. Полное сходство наблюдается между сурпанами низовых и тастарами молькеевских кряшен, сходство в композиции декора конечной части убора – с тастарами мишарей (Воробьев, 1927; Ягафова, 2007: 55). Группы *вирьял* и *анат енчи* объединяет *масмак* (длинный у первых и короткий у вторых), к которому прикреплялся *сурпан*. Н.И. Воробьев полагал, что *масмак* достался чувашам от финно-угорских предков. По данным чувашских языковедов, от чувашей марийцами был заимствован (точнее, трансформирован) ряд терминов, обозначающих предметы одежды и украшений, например: *хушпу/хошпу* > *ошпу* головной убор, *пёркенчёк* > *вёргенчык* / *пёртенчык* покрывало, *сурпан* > *шарпан* полотенчатый головной убор, *масмак* > *нашмак* (Федотов, 1990: 69). Тем не менее, Е.А. Ягафова допускает генетическую связь *масмака* с финно-угорской традицией (Ягафова, 2007: 56).

В томе «Чуваши» авторами были выделены вариации женского костюма всех групп и подгрупп. Так, в северо-западной подгруппе верховых рубашки носились с большим напуском, считающимся финно-угорским признаком ношения рубахи. С севера на юг расселения *вирьял* напуск рубашки уменьшался.

Полотенчатый головной убор *сурпан* обтягивал шею средней частью и прикалывался к концам длинной налобно-теменной повязки *масмак*. Носили нагрудное украшение *хёрес сакки* с крестом, *ама* (также нагрудное украшение) встречалась реже.

В средней группе напуск рубахи был меньше, существовало несколько типов ношения сурпана, одевали *хушпу* цилиндрической формы и перевязь первого типа чаще. Больших размеров достигали нагрудные украшения, восходящие к фибулам, – *шўлкеме* и *сурпан сакки*.

В красночетайской подгруппе рубашка не имела напуска, *сурпан* носился несколько иначе, отличался декоративностью свадебный костюм. В юго-восточной подгруппе тип ношения сурпана имел сходство со средненизовыми. *Хушпу* здесь бытовало как на твердой основе цилиндрической формы (более архаический тип), так и на мягкой. Другие авторы отмечают переходной характер костюма данной подгруппы. В костюме чувашей юга верховой зоны традиционные элементы сохранились лучше, чем в ее северной части (Ягафова, 2007: 58). В частности, здесь бытовали сурпаны, сходные со способом повязывания тастаров касимовских татар и мишарей Темниковского уезда (Суслова, Мухамедова, 2000: 155).

Авторы тома «Чуваши» подчеркивают сходство сорпанов северо-западной и средней подгрупп с шарпаном горных марийцев. Чувашские нагрудные украшения *шўлкеме* и *сурпан сакки* восходят к шумящим подвескам, представленным у мордвы-мокши и горных марийцев (Гаген-Торн, 1960: 77). Невысокий головной убор *хошпу* группы *вирьял* имел сходство с *ошпу* марийцев, бесермян (*кашпу*), мишарей (*кашпау*) и башкир (*кашмау*).

Н.И. Воробьев подчеркивал, что трудным является вопрос о близости первой подгруппы к одежде горных марийцев. Считать этот комплекс влиянием чувашей на марийцев, или наоборот, весьма сложно. Можно предположить, что этот комплекс создавался представителями обоих народов совместно (Воробьев и др., 1956: 340). Действительно, старинный костюм у *вирьял* в XVIII в. был вытеснен другим комплексом одежды, который можно называть вирьяльско-горномарийским. Единообразие костюма сундырской подгруппы и горных марийцев создавалось в результате тесного взаимодействия и совместного творчества представителей двух народов. Как отмечал С.М. Михайлов, в Козьмодемьянском уезде «костюмы в старину были такие, какие ныне у низовых чуваш (*анат енчи*) Цивильского и Чебоксарского уезда» (Михайлов, 1972: 78). В плане культурной реконструкции происходили обоюдные языковые заимствования между северо-западной подгруппой *вирьял* и горными марийцами (Савельев, 2021: 8).

Сходные черты в одежде и орнаментированном искусстве средненизовых и низовых чувашей и луговых марийцев, по мнению А.А. Трофимова, отражают более древние времена, чем те, когда складывались отношения между верховыми чувашами и горными марийцами (Трофимов, 1977: 38). Большое сходство

с чувашским, в частности, с северной подгруппой *анатри*, имеет костюм моркинской подгруппы луговых марийцев (Молотова, 1992: 60).

Рубашка *анат енчи* и *анатри* рядом деталей, в частности, со скошенными боковыми клиньями, нагрудными вышивками и расшивкой рукавов, отличалась от рубашки верховых. По мнению Н.И. Воробьева, она была рубашкой болгар, живших в бассейне р. Свияги (Воробьев и др., 1956: 340). Болгарскими же костюмом комплексе *анат енчи* и *анатри* могут являться, как он предполагал, головные уборы *сурпан*, *хушпу*, *пуç тутри*, *чалма* (у *анат енчи*), *тухъя*. От болгарских предков чуваша получили ожерелья, перевязь, браслеты и т.п. О болгарском происхождении указанных вещей у чувашей говорят приводимые В.Н. Белицер факты близости одежды чувашей и бесермян (Белицер, 1951: 100–106).

Женщины носили *хушпу* цилиндрической или конической формы. Головную повязку *чалма* (или *пуç тутри*), отличавшуюся по типам, повязывали поверх сурпана женщины восточной подгруппы *анат енчи* и юго-восточной подгруппы *вирьял*, северные и южные *анатри*. У казанских татар *тастар* также закреплялся повязкой *аулык*. Существует мнение, что подобное соединение головных уборов у чувашей произошло по аналогии с предками казанских татар. Н.И. Воробьев не исключал, что так его носили отатарившиеся чуваша (Воробьев и др., 1956: 313).

В южной части *анат енчи* было заметно влияние *анатри*, где носили рубашки с оборками. В козловской подгруппе отличием являлся особый тип *масмака*, близкого к башкирскому *хараусу*, более высокое одевание *сурпана*. Северная подгруппа *анатри* по костюму сближалась с *анат енчи*, у которых больше сохранялись пережитки прошлого.

У чувашей всех групп встречалось несколько типов перевязи *тевет*. К одному типу относились перевязи ряда подгрупп верховых и средненизовых, второй тип был представлен у низовых и северо-западной подгруппы верховых. Это украшение объединяет чувашей с тюркскими народами (Воробьев и др., 1956: 328–329). В северной и степной подгруппах *анатри* перевязь называют *касите / хасите*, что имеет аналоги с перевязями *дэвэт* и *хэсите* казанских татар (Суслова, Мухамедова, 2000: 234). Чувашки подгруппы *хирти* в некоторых местностях заимствовали от татар длинный вязаный колпак, надеваемый женщинами на *хушпу* (Воробьев и др., 1956: 312).

Тюркские черты в костюме Н.И. Воробьев определял преимущественно по поздним заимствованиям от татар. Они отмечены в рубашках, головных уборах и украшениях низовых чувашей. Так, рубашка претерпела существенные изменения в крае и декоре с появлением пестряди, оборок. Новые элементы вначале были зафиксированы в районах тесных контактов с татарами, затем распространялись на север и запад, охватив все группы *анатри* и южную зону *анат енчи*. Е.А. Ягафова отмечает непоследовательность Н.И. Воробьева в картографировании костюма, вслед за языковедами считавшего основными верховой и низовой комплексы при игнорировании средненизового как базового, которому были присущи старинные тюркские признаки (Ягафова, 2007: 49). Промежу-

точный характер одежды *анат енчи* был очевиден на позднем этапе – так считал И. Воробьев. С вирьяльским имел сходство костюм северо-западной подгруппы, *анатри* – остальных подгрупп *анат енчи*. Старинные типы рубахи *анат енчи* и *анатри* не отличались, они носили один пояс (у *вирьял* одновременно употреблялись три вида поясов) (Воробьев и др., 1956: 263–277).

Н.И. Воробьев ограничился описанием *хушпу* на мягкой основе, хотя старинные были на кожаной, но оба сосуществовали, представляя два разных типа головных уборов (Ягафова, 2007: 57). Однако он отметил эволюцию твердых конусообразных уборов в *хушпу* на мягкой основе, сохранение первоначальной формы (высокие у большей части *анат енчи* и *анатри*). У *анатри* два типа *хушпу* выступают в числе элементов при районировании подгрупп: конусообразные (северная и степная) и полусферическое (подлесная) (Воробьев и др., 1956: 310).

Н.И. Воробьев справедливо отмечает, что многие элементы костюма окончательно сформировались на базе прежних черт уже в свияжско-сурском междуречье. Костюм верховых представляет собой продукт совместного творчества чувашских и горномарийских женщин, в нем сохранилось немало рудиментов, остатков старины, в том числе *сорпан*, *сарй*, *масмак*, имеется множество фактов и признаков бытования хошпы (формы цилиндра) и тохьи в прошлом. Влияние татар распространилось на низовых чувашей, особенно на юго-восточную подгруппу *хирти*, оно не дошло до верховых чувашей (Воробьев и др., 1956: 387).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

НА ЧГИГН. Отд. 3. Ед. хр. 191. Л. 1422–1432.

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н.И. Заметки по чувашской диалектологии // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. С. 65–79.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Казань: Красный печатник, 1928. Вып. I. С. 224–225. Статья «Анатри чăваш».

Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951.

Воробьев Н.И. Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТССР летом 1927 г. // Вестник научного общества татароведения. № 8. Казань, 1928. С. 100–112.

Воробьев Н.И., Львова А.Н., Романов Н.Р., Симонова А.Р. Чуваша. Этнографическое исследование. Ч. 1. Материальная культура / под ред. *М.Я. Сироткина и В.Л. Кузьмина*. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956.

- Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004.
- Димитриев В.Д.* К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. Вып. XIV. С. 173–218.
- Димитриев В.Д.* К вопросу о сложных общинах Чувашии // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. Вып. XXIII. С. 196–228.
- Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения Свияжского, Кокшайского, Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского, Ядринского, Курмышского и Симбирского уездов первой половины XVIII в. Справочник. Чебоксары: ЧГИГН, 2006.
- Долгова А.П.* Этноязыковая культура чувашей Присвияжья // Чуваши Присвияжья: история и культура / под ред. В.П. Иванова, Г.Б. Матвеева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 87–111.
- Егоров Н.И.* Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Чебоксары: Новое Время, 2017. Книга 1.
- Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1954.
- Комиссаров Г.И.* К «Этнографической карте Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов» (Объяснительная записка) // Известия общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1912. Т. XXVIII. Вып. 4–5. С. 448–455.
- Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии. Казань: Типо-литография Имп. университета, 1911. Т. XXVII. Вып. 5. С. 311–432.
- Кондратьев М.Г.* К вопросу о диалектологии чувашской народной песни // Вопросы истории и теории чувашского искусства. Чебоксары, 1982. С. 112–125.
- Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов // Яфетический сборник. Л.: Изд-во АН СССР. 1930. Вып. VI. С. 100–151.
- Матвеев Т.М.* Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. Вып. 1.
- Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: ЧНИИ, 1972.
- Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марий. кн. изд-во, 1992.
- Мудрак О.А.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993.
- Савельев А.В.* К уточнению сценария чувашско-марийских контактов // XI Международный симпозиум «Языковые контакты народов Поволжья и Урала»: сб. статей / сост. и отв. ред. А. М. Иванова, Э. В. Фомин. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 95–104.
- Савельев А.В.* Старочувашский памятник с различием датива и аккузатива // Урал-алтайские исследования. 2021. № 1. С. 77–100.
- Сергеев Л.П.* Чăваш диалектологийĕ: словарь-справочник. Шупашкар: Чăваш патш. пед. ун-чĕ, 2007.
- Суслова С.В., Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – XX вв.). Казань: Фен, 2000.
- Трофимов А.А.* О чувашской вышивке XVIII века // О чувашском искусстве. Вып. 75. Чебоксары: ЧНИИ, 1977. С. 38–53.
- Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / под ред. С.И. Галкина. Саранск: Изд-во Саран. ун-та, 1990.
- Чуваши. М.: Наука, 2017.

REFERENCES

- Ashmarin N.I. (1928) *Dictionary of the Chuvash language*. Article “Anatri chävash”. Kazan: Red Printer. Vol. I: 224–225. (In Russ.)
- Ashmarin N.I. (1960) Notes on Chuvash dialectology. In: *Materials on Chuvash dialectology*. Vol. 1. Cheboksary: Chuvash State Publishing House, 1960: 65–79. (In Russ.)
- Belitser V.N. (1951) *Udmurt folk clothes*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
- The Chuvash* (2017). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Dimitriev V.D. (1963) On the issue of complex communities of Chuvashia. In: *Scientific notes of the ChNII*. Cheboksary: Chuvash Book Publ. Vol. 23: 196–228. (In Russ.)
- Dimitriev V.D. (2006) *Chuvash maternal villages of Sviyazhsky, Kokshaysky, Cheboksary, Kozmodemyansky, Tsivilsky, Yadrinsky, Kurmyshsky and Simbirsk districts of the first half of the 18th century*. Reference book. Cheboksary: ChGIGN Publ. (In Russ.)
- Dimitriyev V.D. (1956) On the settlement of the south-eastern and southern parts of Chuvashia. In: *Scientists notes of the ChNII*. Cheboksary: Chuvashia State Publishing House, 1956. Vol. 14: 173–218. (In Russ.)
- Dimitriyev V.D. *Issues of ethnogenesis, ethnography and cultural history of the Chuvash people* (2004). Cheboksary: Chuvashia University Publ. (In Russ.)
- Dolgova A.P. (2015) Ethnolinguistic culture of the Chuvash of the Prisviyazhye region. In: *The Chuvash of the Prisviyazhye region: history and culture*. V.P. Ivanov, G.B. Matveev (eds.). Cheboksary: Chuvash Book Publ.: 87–111. (In Russ.)
- Egorov N.I. (2017) *Selected works on ethnolinguogenesis and ethnic history of the Chuvash people*. Cheboksary: Novoye Vremya Publ. Book 1. (In Russ.)
- Egorov V.G. (1954) *Modern Chuvash literary language in comparative historical light*. Part 1. Cheboksary: Chuvash State Publishing House. (In Russ.)
- Fedotov M.R. (1990) *Chuvash-Mari language relations*. S.I. Galkina (ed.). Saransk: Saransk University Publ. (In Russ.)
- Komissarov G.I. (1911) The Chuvash of the Kazan Trans-Volga region. *Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii* [Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography]. Kazan: Imperial University Typo-lithography, Vol. 27. No. 5: 311–432. (In Russ.)
- Komissarov G.I. (1912) To the “Ethnographic map of the Kozmodemyansk, Tsivilsk, Cheboksary and Yadrinsk districts” (An explanatory note). *Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii* [Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography]. Kazan, 1912. Vol. 28. Pp. 4–5: 448–455. (In Russ.)
- Kondratyev M.G. (1982) On the issue of dialectology of the Chuvash folk song. In: *Questions of the history and theory of the Chuvash art*. Cheboksary: 112–125. (In Russ.)
- Matveev T.M. (1930) Brief overview of Chuvash dialects. In: *Japhetic collection*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. Vol. 6: 100–151. (In Russ.)
- Matveev T.M. (1960) *Materials on Chuvash dialectology*. Cheboksary: Chuvash State Publishing House. Vol. 1. (In Russ.)
- Mikhailov S.M. (1972) *Works on the ethnography and history of the Russian, Chuvash and Mari peoples*. Cheboksary: ChNII Publ.
- Molotova T.L. (1992) *Mari folk costume*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publ. (In Russ.)
- Mudrak O.A. (1993) *Historical correspondence of Chuvash and Turkic vowels: an attempt at reconstruction and interpretation*. Moscow. (In Russ.)
- Savelyev A.V. (2018) Towards a clarification of the scenario of Chuvash-Mari contacts. In: *The 11th International symposium "Language contacts of the peoples of the Volga region and the Urals": collection of articles*. A.M. Ivanova, E.V. Fomin (eds.). Cheboksary: Chuvash University Publ., 2018: 95–104. (In Russ.)

Savelyev A.V. (2021) Starochuvashsky monument with distinction between dative and accusative. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altai studies]. No. 1: 77–100. (In Russ.)

Sergeev L.P. (2007) *Chuvash dialectology: dictionary-reference book*. Shupashkar: Chuvash State Pedagogical University Publ. (In Chuv.)

Suslova S.V., Mukhamedova R.G. (2000) *Folk costume of the Tatars of the Volga region and the Urals (mid-19th – 20th centuries)*. Kazan: Fän Publ. (In Russ.)

Trofimov A.A. (1977) About the Chuvash embroidery of the 18th century. In: *About the Chuvash art*. Vol. 75. Cheboksary: ChNII Publ.: 38–53. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1928) Report on a trip for ethnographic purposes to the Sviyazhsky and Tetyushsky cantons of the TSSR in the summer of 1927. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. No. 8. Kazan: 100–112. (In Russ.)

Vorobyev N.I., Lvova A.N., Romanov N.R., Simonova A.R. The Chuvashes. *Ethnographic research. Part 1. Material culture* (1956). M.Ya. Sirotkin, V.L. Kuzmin (eds.). Cheboksary: Chuvashia State Publishing House. (In Russ.)

Сведения об авторе: Матвеев Георгий Борисович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015, Московский пр., 29, корп. 1, Чебоксары, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0003-9169-7463>; e-mail: matweev.georgij@yandex.ru

About the author: Georgy B. Matveev, Cand. Sc. (History), Leading Research Fellow in the historical field, Chuvash State Institute of Humanities (29, building 1, Moskovsky Ave., Cheboksary 428015, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0003-9169-7463>; e-mail: matweev.georgij@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 3.07.2024

Доработана после рецензирования / Revised 22.08.2024

Принята к публикации / Accepted 2.09.2024